

РОКОВОЙ ВЕНЕЦ

Татьяна Данилова

Любовь между короной и плахой

Любвные драмы

Любовные драмы

Татьяна Данилова

**Роковой венец. Любовь
между короной и плахой**

«ВЕЧЕ»

2021

Данилова Т. Н.

Роковой венец. Любовь между короной и плахой /

Т. Н. Данилова — «ВЕЧЕ», 2021 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-8733-0

Эта книга – о власти и личной свободе и о том, что совместить одно с другим в короткой человеческой жизни невозможно. Много ли свободы дает власть? Способен ли человек, наделенный ею, любить и быть любим? Может ли тот, кто оказался на вершине общественной пирамиды, чувствовать себя в безопасности? Как когда-то сказал великий Петрарка, «добиваться власти для спокойствия и безопасности – все равно что взбираться на вулкан, чтобы спрятаться от бури». И все же жажда власти бывает сильнее страха смерти. И женщин эта страсть порою обуревают так же, как и мужчин.

ISBN 978-5-4484-8733-0

© Данилова Т. Н., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Татьяна Данилова	5
Предисловие, или ставка больше, чем жизнь	6
Мессалина: имя нарицательное и имя собственное	8
Мутные воды Тибра	11
Aeterna urbs – cloaca maxima (Вечный город – великая клоака)	15
Aqua et ignis (вода и огонь)	18
Quia nominor leo (Ибо я лев)	22
Hodie caesar, cras nihil (Сегодня – Цезарь, завтра – ничто)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Татьяна Данилова
Роковой венец. Любовь между короной и плахой

© Данилова Т.Н., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

* * *

Предисловие, или ставка больше, чем жизнь

«Сильна как смерть любовь», – сказал библейский царь Соломон. Но его не менее мудрый отец, царь Давид, мог бы с ним поспорить: жажда власти иной раз бывает еще сильнее. Он знал это не понаслышке. Потому что, в отличие от сына, родился не царем, а пастухом. Быть может, тогда он чувствовал себя по-настоящему свободным...

Эта книга – о власти и личной свободе, вернее, о том, как невозможно совместить то и другое в координатах одной короткой жизни. Много ли свободы дает человеку власть? Может ли тот, кто оказался на вершине общественной пирамиды, чувствовать себя в безопасности? Исчерпывающий ответ на эти вопросы дал когда-то поэт Возрождения Петрарка: «Добиваться власти для спокойствия и безопасности – все равно что взбираться на вулкан, чтобы спрятаться от бури». Да, с гением не поспоришь, тем более что «тому в истории мы тьму примеров слышим» – это уже русский баснописец констатировал. Корона, венец – символы превосходства и одновременно жертвенности, в них есть и притягательная сила, и обреченность – в общем, как и в самой природе с ее законами. К женщинам и мужчинам это относится в равной степени – шапка Мономаха, знаете ли, одинаково тяжела. Никакой поблажки! Когда судьба ставит на кон власть, игра идет не на деньги, а на жизни.

Трагедии обладают невероятно привлекательной силой, особенно если они невыдуманные. Не потому ли искусство много веков успешно паразитирует на истории, превращая факты в захватывающие сюжеты? В последние годы в этом особенно преуспел кинематограф – наперегонки с литературой. Вот и я решила в этой книге рассказать о трагедиях женщин, чьи имена и судьбы вроде бы знакомы. Вроде бы... Фильм посмотрели? Прекрасно. Значит, теперь можно поговорить и о подлинном прототипе киношной героини или же той, о ком писали в газете, Интернете, куплете... Появился наконец повод.

Героиня первого рассказа – римская императрица Валерия Мессалина, распутная и жестокая жена цезаря Клавдия, которая жила в I веке н. э. (25–48 н. э.). Так давно, что кажется, будто и не жила вовсе, а ее имя является всего лишь термином, каким принято называть самых разнузданных и порочных красавиц, ну и писать, само собой, со строчной буквы – «мессалина». Почти все ее прижизненные скульптурные изображения были уничтожены. А вот имя осталось. Доброго слова об этой женщине, как ни старайтесь, не встретите ни у одного из римских историков, вот только верится с трудом, что в «высокоморальную» эпоху Калигулы и Неронов ее поведение могло кого-то шокировать. Другое дело – в битве за власть все средства хороши: как она – так и ее. И все же как психологический тип Мессалина не умирала никогда, она и сейчас жива.

Из Древнего Рима можно перенестись в средневековую Англию. Об Анне Болейн (1507 (1501?) —1536), несчастной жене английского короля Генриха VIII, не знает разве что глухой и слепой лентяй. Начиная с 1911 года кинематограф размножает истории о королевсамодуре и его многочисленных женах. В 2008 году нас осчастливили фильмом Д. Чедвика «Еще одна из рода Болейн» – и это еще не предел. Надо признать, в XXI веке Генрих VIII стал особенно востребованным трендом западного кинематографа; как же в этой связи обойтись без Анны Болейн, чей образ дал неоднозначную пищу для толкований и актерских воплощений? Хелена Бонэм Картер «Генрих VIII», 2003 год), Натали Дормер («Тюдоры», 2007 год), Натали Портман («Еще одна из рода Болейн, 2008 год), Клэр Фой («Вулфхолл», 2015 год). А недавно соотечественники несчастной королевы разродились очередным сериалом, где ее роль в угоду новомодным веяниям досталась чернокожей актрисе Джоди Тёрнер-Смит, которая по воле толкователей стала еще и предвестницей современного феминизма, ибо борется за права женщин XVI века. Смешно и грустно. Подлинные характеры можно трактовать, но нельзя переделать на свой лад. Да, по мнению ее современников, Анна была смуглой брюнет-

кой, но опять-таки по стандартам того, а не нашего времени. «Черные жизни имеют значение» – в отличие от исторической правды. Что-то из «киношедевров» я наверняка упустила, но не суть, тем более что фабрики иллюзий продолжают штамповать свои поделки, и много удивительного нас еще ждет впереди. Генрих VIII действительно обогатил историю невыдуманными драмами, которые написал кровью. Так кем же была Анна – жертвой мужского произвола или собственных амбиций?

Судьба Джейн Грей (1537–1554), юной королевы, правившей Англией всего девять дней, пусть и мало кому известна, зато вызывает не меньше удивления. Хотя бы потому, что она не стремилась ни к титулу, ни к власти, а просто... была очень послушной девушкой. За что и поплатилась головой. О ней снова вспомнили, когда в январе 2006 года случайно обнаружили ее портрет. О королеве Джейн тоже есть фильм: «Леди Джейн» Т. Нанна, правда, сюжет его весьма далек от подлинной драмы, которую написала не признающая сантиментов рука истории.

Имя королевы Шотландии Марии Стюарт (1542–1587) благодаря Шиллеру и Цвейгу стало настоящим историческим брендом. Трагическая судьба женщины и королевы кажется невероятной, потрясает своим драматизмом. Мария Стюарт пришла в этот мир уже королевой, и все, что от нее требовалось, – суметь удержать врожденную привилегию. Увы, мало родиться в короне, чтобы сохранить ее, надо ради власти научиться жертвовать, причем всем человеческим, – но она не смогла. Рожденная властвовать, она ни в чем не знала меры и даже дала себе одно непростительное для монаршей особы право – любить. Любить безоглядно, безрассудно, преступно, с поистине королевским размахом. Не так сильна была в ней жажда власти? Как раз наоборот: пожертвуй она короной, тогда, быть может, спасла бы собственную голову от секиры палача... Но мир вечен, а жизнь, как известно, коротка, и чтобы прописаться в истории на века, порой приходится делать выбор в пользу смерти. А может, и смерть сделала этот выбор за нее. Гражданское право не распространялось на особу монарха – он ведь выбран самим Господом, так что его проще было убить, чем лишить короны.

Из средневековой Европы перенесемся в средневековую Россию – через «мостик» по имени Марина Мнишек (1589–1613 (1614)). Мы привыкли воспринимать ее как международную авантюристку, но, может, стоит посмотреть на нее просто как на молодую девушку, воспитанную тщеславным и корыстолюбивым отцом, которая возомнила себя избранницей? Вот уж кого сгубила жажда власти, так это ее, и всех, кого она вместе с собой втянула в воронку Смутного времени. Честолюбивая мечта опьянила Марину – где уж там до здравого смысла! Жизнь она заплатила за корону и незабываемые девять дней, в течение которых гордо носила ее на своей юной головке, наслаждаясь титулом – царица Московская. Что ж, истории известны случаи, когда корона России доставалась не по праву родства, а становилась легкой добычей для честолюбивой авантюрной души. Екатерине II повезло, а вот ее сопернице нет. Самая загадочная женщина русской истории, известная под именем княжна Тараканова, так и осталась «семейной тайной дома Романовых». Кто она? Авантюристка? Дочь императрицы Елизаветы? Одна из ее родственниц? Или же их было двое – дочь и ее двойник? Улики были старательно уничтожены. Осталась тайна – огромное поле для творческой фантазии, чем многие не поленились воспользоваться. Если когда-то откроется правда – будет сенсация. А пока пиши что хочешь – бумага стерпит.

Мир меняется. Не меняются только его правила. «Власть» по-прежнему не рифмуется с «кровью» – в отличие от «любви», она ею оплачивается. А символическая корона, как и во времена римских цезарей, венчает головы обреченных.

Это второе издание моей книги, исправленное и дополненное. Первое вышло в свет в 2008 году под тем же названием, в серии «Мир женщины».

Автор

Мессалина: имя нарицательное и имя собственное

Валерия Мессалина (25–48 н. э.) – дочь римского консула Марка Валерия Мессалы Барбата и Домиции Лепиды (внучки Марка Антония и Октавии, сестры Октавиана Августа) – вошла в историю не только как императрица Рима и третья жена императора Клавдия – ее имя стало нарицательным. Мессалинами не одно тысячелетие называют самых развратных, порочных, вероломных, жестоких, властолюбивых и, разумеется, красивых – самых-самых... Подобный коктейль для вездесущей сплетницы-истории далеко не в диковинку. Так что вряд ли Мессалина, чье имя ассоциируется с вместилищем всяко-разных человеческих мерзостей, была исключением в плеяде честолюбивых и коварных обольстительниц всех времен и народов.

Рабыня своих извращенных фантазий? Или императрица порока, освободительница потаенных и постыдных желаний других? Мессалина, играя на самых низменных инстинктах мужчин, уверенно шла к своей «высокой» цели, обернувшейся для нее падением и страшным финалом. Она задумала избавиться от надоевшего мужа и посадить на его место любовника, но сама угодила в ловушку, как глупая гусыня, возомнившая себя жар-птицей, уверенная в своем женском всемогуществе.

Увы, она не одна такая бестия – женщина с невинным ангельским личиком и душой... быть может, очень несчастной и одинокой. Подобный психологический тип весьма живуч, он встречается и в наши дни. Другое дело ее судьба – следствие порока, питательной средой для которого стали неограниченные возможности власти. Несомненно, Мессалина преуспела на греховном поприще, а вот удалось ли ей на самом деле превзойти в этом «спорте» всех и вся – это еще вопрос. Неужели та, что заняла ее место, разделив ложе с Клавдием в качестве четвертой жены, – Агриппина, мать Нерона, – оказалась нравственнее и добрее? Верится с трудом. Крови невинных она пролила значительно больше, чем ее предшественница. Мессалина же наверняка была неукротима лишь в одном: в жажде полной, безграничной власти. А добивалась желаемого безрассудно, безоглядно: вот и нажила столь влиятельных недоброжелателей, стараниями которых попросту обречена была оставить о себе дурную славу на века.

Ей удалось стяжать больше ненависти, чем любви и сострадания, и это закономерно. Мессалина ушла из жизни в историю, когда ей было только двадцать три года (по другой версии – около тридцати).

Мессалина. Художник П.-С. Крейер

Мутные воды Тибра

Прогулочная галера императрицы скользила вниз по Тибру, разрезая утренний серебристый туман. Изогнутый нос судна венчал золотой римский орел, и когда гребцы налегали на весла, он, казалось, взлетал, вырвавшись на миг из мутноватой дымки. Мессалина лежала под пурпурным навесом на возвышении из множества парчовых подушек и, повернув голову, наблюдала за слаженным движением мускулистых тел рабов. Весла были вставлены в отверстия – раскрытые пасти позолоченных львов, и когда они приходили в движение, раздавался звук, напоминавший ей урчание голодных хищников. Однообразие форм – от орнаментов отделки галеры до бронзовых мужских спин, монотонность ритмов и звуков – погружало ее в скуку. Больше всего на свете божественная императрица ненавидела именно скуку. Другое дело – сама река. Она разнообразна и многолика. Начинается с маленького, едва заметного ручейка, чистого, освежающего, но постепенно он набирает силу и превращается в ревущий между двумя берегами поток, мутный, смывающий все на своем пути, который на сытой равнине снова замедляет свой бег, дно затягивается илом, а там – мрак... Мессалина иногда напоминала себе такую реку.

Ей вспомнилось детство. Красивое лицо Домиции Лепиды, лицо матери. О, как она тогда смотрела на свою так рано повзрослевшую дочь! Это был не взгляд любящей матери, а прищур оценщика... Мессалина сидела, прикрыв упругую грудь полупрозрачной накидкой, и украдкой поглядывала на свое отражение в полированной поверхности зеркала. Ей едва исполнилось тринадцать, но под копной золотистых кудрей, обрамлявших мраморное точеное личико, в томных глазах и налитом жизненными соками теле угадывалась потаенная сила, которая очень скоро начнет сводить с ума всех вокруг. Мать подошла незаметно. Мессалина непроизвольно вздрогнула, когда увидела ее отражение рядом со своим.

– Ты родилась быть императрицей, – сказала тогда Лепида задумчиво, словно воскрешая в памяти свои несбывшиеся надежды. Когда-то ее, высокородную красавицу, одну из самых прекрасных патрицианок империи, внучку Марка Антония и внучатую племянницу Октавиана Августа, любил приглашать император Тиберий на свою виллу, расположенную на живописном острове Капри. Старый развратник! Он частенько собирал там «фавнов» и «нимф», золотую молодежь, устраивая многодневные пиры, переходившие в самые бесстыдные оргии.

– Скоро ты станешь еще красивее. Но красота женщины – это прежде всего оружие, с его помощью можно добиться главного – власти и силы, возможности управлять мужчиной, а значит, и всеми теми, кто находится у него в подчинении.

– Ты хочешь сказать, что я стану женой цезаря? – оживилась юная Валерия, и тут же ее лицо поскучнело. Она тотчас разочарованно подумала о том, что ни для кого не было секретом: о безумии Гая Калигулы, нынешнего правителя Рима.

Мать будто прочитала ее мысли:

– Цезарь не вечен – сегодня один, завтра другой, а ты еще так молода! Учись быть женщиной. Настоящей.

– А вдруг я смогу полюбить кого-то. – Валерия вспомнила, как этим утром лежала на кровати, скинув тунику, а легкий ветерок забавлялся с ее телом, доставляя ей блаженство. Тогда сами собой пришли в голову мысли о сокровенном: она представила рядом с собой прекрасного полубога, своего будущего жениха. Девушка подумала об этом и покраснела.

Лепида только высокомерно хмыкнула, будто прочла ее мысли:

– Любви нет, вернее, есть чувства, которые проходят. А еще есть ощущения, которые дарит тебе плоть. Они, кстати, тоже могут надоест без достаточного разнообразия. Надо научиться владеть своим телом, как музыкант, извлекающий чудные звуки из безжизненной

деревяшки. Тогда ты сможешь управлять мужчинами. Они будут жаждать тебя. А ты одаривать их счастьем. Только так ты станешь всесильной.

– Тогда мне придется выйти замуж за бога и стать богиней, – расхохоталась Мессалина, – ведь никто из смертных не даст мне всего и сразу...

Девушка была в курсе ночных проделок ее матери. А что? Лепида была еще весьма молода и красива, и она знала толк в телесных удовольствиях не понаслышке. Мессала Барбат часто находился в отъездах, так что Мессалине на глаза попадались разные мужчины, которые тайком покидали спальню Лепиды.

Мессалина приподнялась на подушках и посмотрела на воду. Центурион, сидевший у ее ног, встал, готовый исполнить любую волю своей повелительницы, но ей было не до него. В памяти проносились лица, голоса... Каждый день юная дочь Мессалы Барбата уединялась с очередным избранником в рощах Дафны. Почти девочка с наивным личиком, а внутри зверь, и он жаждал...

«Приветствую тебя, Астарта, моя богиня!»... «Венера, сама богиня любви нисходит на ложе»... и она нисходила. Все ниже и ниже... Вспоминала, как среди лилий на тихой реке она утоляла жар тела, плывя в лодке под балдахином. Лодочник не обращал внимания на парочку, ему заплатили за это. А ей вдруг захотелось и его подразнить своими прелестями:

– Эй, не сядь на мель! – Гребец обернулся и обомлел... Его загорелое мускулистое тело, пропахшее потом и рыбой, возбуждало ее больше, чем надушенный торс молодого аристократа, ее недавнего любовника. Не прошло и четверти часа, как она стонала уже не в объятиях всадника, а от грубых ласк вольноотпущенника. Она заботилась о своем удовольствии, а о ее замужестве пусть позаботятся другие.

Увы, Мессалина меньше всего в жизни думала о том, чтоб угодить Лепиде. Она жила только для себя. Но самое забавное – мечта ее матери сбылась как-то сама собой. Мессалина действительно стала всесильной императрицей, и теперь весь Рим трепещет у ее ног, боится и ненавидит. Все льстиво улыбаются, и каждый желает ей зла. Надоело!!!

Пришло ее время. Скоро, очень скоро исполнится и ее мечта, мутная река вырвется к необъятному морю. И это не конец, а начало нового величия. Мессалина плыла навстречу своему триумфу... Или краху? Впрочем, императрица не должна сомневаться в победе!

Она подала знак кормчему: рабы налегли на весла. Вскоре показался каменный причал, где ее уже поджидал Гай Силий. Ее избранник, нет, двое избранников: Гай Силий и Вечный Рим у ног...

Мессалина. Художник П.А. Сведомский

Aeterna urbs – cloaca maxima **(Вечный город – великая клоака)**

Не стоит думать, что Мессалина была каким-то вырожденком рода человеческого. Это уж с какой стороны посмотреть. Для нас – да. Но в ее мире, в мире многобожия, и мораль была столь же многолика. Время Мессалины – время невиданной даже в самом Риме распущенности и разнузданности в среде аристократии. Да и народу было с кого брать пример «целомудрия». Его подавали сами носители высшей власти. В Риме никогда не считалось преступлением искать плотской утехы, надо было только соблюдать внешние приличия. Валерия Мессалина, вступая во взрослую жизнь, была дочерью родного Рима. Ее мать и другие высокородные матроны жили точно так же. Разврат – это для нас он таков, а для их круга – досуг, привычное времяпрепровождение. Хотя были, конечно, попытки обуздать внешние проявления буйства плоти. Еще Октавиан Август, пытавшийся представить себя образцом добродетели и скромности, издал ряд строгих законов против распущенности. Вот только сам он отнюдь не следовал этим предписаниям. У него было множество любовниц как из числа незамужних, так и семейных женщин. Поисками он себя не утруждал – поставляли друзья, частенько собственных жен и сестер. К старости он стал особенно увлекаться молодыми девушками, а их подыскивала для него его собственная супруга. Вот такая семейная идиллия.

Известно, что он имел продолжительную связь с женой своего приятеля Мецената Теренцией, но кроме нее в покои блюстителя морали регулярно поставляли женщин в крытых носилках. Однажды в такие носилки под видом матроны пробрался философ, который стал обличать преобразователя общественных нравов цезаря Августа в двойных стандартах. Этот факт приводит римский историк Кассий Дион. Он же отмечал, к примеру, что ни один из консулов, давших свое имя закону Папия-Поппеа, направленному против холостяков, не был женат. Так, увы, жил Рим. Представители высшего общества восхищались простотой, наслаждаясь роскошью, провозглашали нравственную чистоту, погрязнув в разврате. Как остроумно заметил великий поэт Гораций, «попав в топь, они не могли больше вытащить из нее ноги».

При императоре Тиберии появились новые законы против распутства женщин. Когда одна из знатных замужних дам публично призналась, что занимается проституцией, император издал указ о запрещении этой древнейшей профессии для женщин из всаднического сословия. Теперь за деньги – ни-ни, а из любви к искусству... Мужчин нововведения почему-то обошли стороной, тем более самого цезаря: пытаюсь исправить общественные нравы, Тиберий, затворившись на вилле на острове Капри, сам предавался безудержному разврату. Это тоже знали все. Своими любовницами он делал самых знатных и красивых женщин. Ну а если кто-то осмеливался игнорировать его предложения, он подвергал отказников репрессиям: страдали их семьи.

Его преемник Калигула пошел еще дальше в своих безумствах. Он открыто глумился над народом Рима. Какие еще законы, ведь он объявил себя богом! Например, нельзя было по закону карать смертью девственниц, так он велел девиц, подозреваемых в том или ином преступлении, лишать невинности, а уж потом казнить. Своего брата Тиберия он предал смерти за то, что от него пахло лекарством. А тестю Силану перерезал горло, когда тот отказался отправиться с ним в плавание в штормовую погоду. С родными сестрами он жил в кровосмесительной связи. Больше остальных, правда, Гай предпочитал Друзиллу, которую сам лишил невинности еще в детстве, а когда она повзрослела и вышла замуж, отнял у мужа. Остальных сестер он иногда отдавал на потеху своим любимчикам, но и сам мог потребовать чужую жену или невесту. Нередко прямо на свадьбе. Так случилось, к примеру, с Ливией Орестиллой. Да разве ж это такая редкость! У цезаря Калигулы что ни день, то очередная экстравагантная выходка. Этот тиран разорил народ столь же изобретательными, как и он сам, налогами, а казну спустил

на собственные прихоти. Он строил храмы в честь себя, любимого, своей жены Цезонии, даже лошади Инчитато и велел воздавать всем божественные почести. На своем изваянии, отлитом из золота, причем в полный рост, Калигула приказал регулярно менять одежды на точно такие же, какие были на нем в тот день и час. Собственную дочь Друзиллу он объявил ребенком Юпитера. Весь Рим потешался, когда младенца сажали на колени мраморному богу и кормили каменной грудью Минервы. Ребенок истошно орал – природа свое брала: несмотря на «божественное» происхождение, есть малышке хотелось зверски. Жена Калигулы Цезония всеми правдами и неправдами пыталась удержать подле себя разудалого мужа, опаивая его всевозможными приворотными зельями, а от них Калигула еще больше дурел. Он мог ни с того ни с сего приказать жене раздеться донага перед посторонними мужчинами или еще чего поинтереснее предложить. Дурачился, одним словом, «небожителям» все дозволено. Он походил на ребенка-монстра, которому нравится купаться в крови...

Дворец Калигулы на Палатинском холме манил юную Мессалину. Ее возбуждали слухи о его небывалой роскоши и какая-то порочная тайна, что обитала за неприступными стенами. Конечно, девушку немного пугали рассказы о безумных выходках императора, но они же и восхищали: вот тот, кто правит миром и может делать с ним все, что вздумает. Не это ли предел мечтаний самой Мессалины? Но в своих грезах она представляла себя не на месте Цезонии, ей хотелось быть самим Калигулой. Ни много ни мало. Еще в детстве она заметила, что особое удовольствие ей доставляет причинять боль рабыням. Ее тело охватывала сладкая истома, когда она видела, как наливаются слезами глаза служанки, если она медленно заламывала ей руку. Очень скоро Валерия Мессалина поняла, что именно приносило ей наслаждение: это власть, безграничное подчинение воли других при полной безопасности для себя самой.

Вождеденный дворец на Палатинском холме ее все-таки дождался. Впервые она переступила его порог в качестве невесты Клавдия, приходившегося цезарю дядей. Дворец встретил новую гостью, торжественно сверкая мрамором и позолотой, тонкой работы инкрустацией, представлявшей жизнеописания небожителей. Гай Калигула был в добром настроении, он полулежал на роскошной золотой кровати, а рядом расположилась императрица Цезония, которая безудержно хохотала над очередной «божественной» выходкой. Появление непутевого Клавдия царственная чета могла бы и не заметить, но его златокудрая стройная спутница заставила Цезонию сменить выражение лица на более кисло-напряженное, а самого Калигулу заинтересованно сверкнуть диковыми глазами.

Калигула Мессалину разочаровал. Он показался ей тощим и нескладным, впрочем, его статуя была похожа на оригинал. И это великий цезарь, властелин мира! На вид он был смешон, но он имел власть, а власть никогда не казалась Мессалине чем-то несерьезным. Да, при всей своей неприступности он представлялся легкой добычей, но инстинкт самосохранения нашептывал обратное: «Попридержи свой пафос!» – и она скромненько потупила глазки: сама добродетель. Цезарь скромниц не любит, но его не проведешь – порок он чует за версту. Цезония тоже. Но и Мессалина не настолько глупа, чтобы попытаться отбить супруга у этой фурии. Вон как она вцепилась в него, опаивает всякой дрянью, убирает соперниц... Всему свое время. Правда, свидетельств о возможной близости Мессалины с Калигулой не сохранилось. Похоже, судьба не свела их в одной постели, а причиной тому стала прогрессирующая паранойя цезаря: с одной стороны, и он начал вести более замкнутый образ жизни, боясь покушений, и скорая беременность Мессалины – с другой.

Тогда же они расстались, довольные знакомством и друг другом. Клавдий пережил эту встречу без какого-либо волнения. Он, как никто другой, смог оценить ситуацию трезво. Мессалина же на пути из Палатина чувствовала себя искусной женщиной, обрывки мыслей крутились в ее кудрявой головке, хотелось прыгать и петь.

– Клавдий, после нашей женитьбы мы будем жить в этом дворце?

– У меня есть дом и вилла в Кампании, но император предпочитает иметь меня всегда под рукой. Он часто прибегает к моим советам, пользуясь моей ученостью.

Мессалина была счастлива. Она с детской непосредственностью хотела жить во дворце, поближе к власти. Остаток пути она украдкой поглядывала на своего будущего мужа и фантазировала по поводу предстоящей близости с ним. Старик и урод... Урод? Теперь ее это даже возбуждало. Что толку в одних красавцах, когда есть уроды. Как приправа, как соль и перец!

Ее оружие – это она сама, женщина, которой теперь предстоит состязаться в уме и находчивости с мужчинами, а в красоте с другими женщинами и... победить, поскольку у ее будущих противников и соперниц нет такого тайного оружия. Такого, как у нее. Отточенного. Ей, по крайней мере, хотелось в это верить.

Aqua et ignis (вода и огонь)

Домиция Лепида, быть может, действительно желала счастья своей дочери. Такого, каким она сама его представляла. И довела свой план до конца – нашла для Мессалины «подходящего» жениха. Ее, едва достигшую тринадцати лет, выдали замуж за Клавдия, который был старше ее более чем втрое и не отличался ни красотой, ни умом. В нем даже не наблюдалось признаков того, что принято считать обаянием.

Да уж, счастье так счастье! Хуже любого наказания. Это был странный союз и на первый взгляд, и на второй. Пожилой, не слишком привлекательный мужчина с репутацией конченного придурка и хорошенькая, богатая, можно сказать, самодостаточная красавица. Этот брак казался еще и бессмысленным. Если, конечно, с его помощью не надо было срочно скрыть какие-то грешки. Или же каким-то непонятным зрением Лепиде все-таки удалось разглядеть в этом бесперспективном женихе будущего цезаря? Клавдий был дядей и доверенным лицом императора – это многое объясняет. И все-таки более правдоподобно выглядит версия, что за столь поспешной свадьбой была скрыта какая-то тайна. Например, похотливость юной высококородной девицы перешла все границы дозволенного, даже по меркам римской морали времен Калигулы. Любящий отец Мессала Барбат был настолько уязвлен поведением дочурки, что поспешил ее поскорее сбыть с рук, и тут подвернулся Клавдий. Или же все-таки сама Лепида, раскинув мозгами, решила, что Клавдий не такая уж плохая партия... Для начала. Положение законной супруги этого недалекого человека вроде бы и не самое завидное, зато император относится к нему куда благосклоннее, чем к любому умнику.

Дальнейшие события показали, что Клавдий был не столь тупоголовым, как все полагали. О нем можно было бы с полной уверенностью сказать: это ж надо быть настолько умным, чтоб казаться таким простаком!

Клавдий рос болезненным, слабым телом и – это утверждала даже его родная мать – умом. Если она хотела подчеркнуть чью-то тупость, то обычно восклицала: «Он такой же дурак, как мой Клавдий!» Ну а император Август его иначе и не величал, как «этот бедненький». Репутация сохранилась за ним на всю жизнь, и она устраивала Клавдия. Калигула, эксцентричный параноик, не особо заботясь об убедительных причинах, активно избавлялся от возможных конкурентов, но Клавдий считался не вполне нормальным в семье цезарей, и, возможно, это спасло ему жизнь.

Император Клавдий. Римская скульптура

Калигула держал его при себе во дворце, где дядюшке была отведена роль шута. Если он опаздывал к обеду, его сажали в самом конце стола и все с наслаждением и радостью забрасывали объедками. Клавдий терпел и улыбался, переводя все в шутку. Случалось, что он мог задремать за столом, тогда ему надевали на руки носки и резко будили. Он спросонок начинал тереть ими лицо – все с наслаждением хохотали.

Клавдий утвердился в своем решении посвататься сразу же, как только ему представили Мессалину. «Эта девочка способна заставить страдать даже евнуха», – подумал Клавдий, украдкой разглядывая свою избранницу.

Для Клавдия это был уже третий брак, но теперь ему в руки падал прекрасный персик – прелестное юное создание с распахнутыми светящимися глазами. Что в них горело таким ясным пламенем: восторг, жизнелюбие, потаенная похоть, – не разобрать.

Они сидели в атриуме. Вдвоем. Все остальные гости куда-то удалились, словно сговорившись. Мессалина слегка наклонилась к нему свое податливое тело, губы ее соблазнительно увлажнились, на них возникла загадочная улыбка. Рассеянная. Кому она адресована? Ему или же нет? Ее мысли витают где-то далеко...

«Странная у него улыбка, как у сатира. Что за ней?» – подумала в свою очередь девушка. Уголкем глаза она тоже наблюдала за Клавдием. От нее не укрылось, что ее тело под полупрозрачной шелковой туникой явно волновало старого слюнявого распутника.

Свадьба Клавдия и Мессалины позабавила Калигулу. Ему чудно было наблюдать, как его дядюшка женится на молоденькой красавице. Свадебная церемония, жертвоприношения... Сам император принимал деятельное участие в празднике, радовался искренне, как дитя, и засыпал подарками молодых. Свадебный пир был также роскошен. Одно только раздражало Мессалину – главным действующим лицом на ее свадьбе был сам Калигула. В золотом венце и пурпурной тоге, расшитой драгоценными камнями и золотом, он возлежал рядом с молодоженами, бросая в сторону невесты красноречивые взгляды. Клавдий старался ничего не замечать и глуповато улыбался... Напудренный и накрашенный, он еще более нелепо смотрелся рядом с юной женой. Мессалина разглядывала гостей и предавалась эротическим фантазиям, представляя себя то с одним, то с другим... И вот на сцене появился тот, кто заставил ее забыть обо всех и вся. Мессалина сразу поняла, что это ее мужчина. Мускулистое, но одновременно стройное и гибкое тело, гордая голова с правильными чертами лица в обрамлении золотисто-каштановых кудрей – вот он, ее цезарь... Хотелось бы, но... Но он был всего лишь мимом, актеришкой по имени Мнестер, правда, облаканным настоящим цезарем. Пока Мнестер был на сцене, Мессалина размечталась, представляя себя в центре разыгрываемых страстей, богиней в поединке с богами. Но фальшивый Аполлон все-таки вернул ее обратно на землю, когда упал на колени, склонившись перед Юпитером, восседавшим за пиршественным столом. Довольный Калигула отблагодарил своего любимца, дав знак новобрачной поднести ему кубок маассианского вина. Руки Мессалины дрожали. Когда она подняла глаза на актера, то прочла в его взоре легкую усмешку превосходства зрелого мужчины над молоденькой дурочкой. Как же Мессалина в тот миг его желала и ненавидела! И трудно сказать, чего в ее чувствах было больше.

– Пей это вино, мой друг, и не надейся на большее! – похабно захохотал Калигула. – Пока. Этой ночью все самое лучшее достанется Клавдию. Такого вина нет в императорских погребах. Да, Клавдий? Или я ошибаюсь в тебе? Покажи себя этой ночью. – Калигула сделал непристойный жест и выразительно посмотрел на Клавдия. Даже под слоем пудры было заметно, что тот побледнел. А император вошел в раж. – Скажите мне, была ли в стенах этого дворца когда-либо еще столь очаровательная девственница? Нет? Тогда я сам провожу ее до спальни.

Калигула был пьян. Растерянная Мессалина оказалась в чьих-то крепких руках, другие подхватили Клавдия и понесли с непристойными песнями в отведенные для новобрачных покои. Там их бесцеремонно бросили на усыпанное лепестками роз ложе.

– Эрос да пребудет с вами, – заржал Калигула и удалился допивать. Его интерес к невесте этим ограничился.

Когда они остались одни, Клавдий, похоже, перестал притворяться, и на лице его проявилось злое раздражение. А Мессалина испытывала смешанные чувства. Ей было досадно, что император обошелся с ней столь бесцеремонно, но этот его поступок все-таки не мог ее не восхищать. Да, Калигулу все ненавидят и презирают, но он вытворяет с ними все, что хочет, а они терпят и улыбаются – не это ли цель и смысл жизни?

Нетерпеливые руки Клавдия блуждали по ее телу, мокрые губы шептали ей в ухо: «То, что ты познала грех и была желанна другим, делает тебя еще более соблазнительной для меня». Она ждала чего-то необычного от этой ночи, чего-то божественного. Но все произошло так быстро и скомкано, что она даже не успела все это осознать и прочувствовать. Теперь многоопытный, многообещающий муж спал, мерзко похрапывая. Что ж, свое искусство любовника он покажет ей в другую ночь... Мессалина долго не смыкала глаз, ее тело чего-то желало, словно голодная тигрица притаилась где-то в укромном уголке и скребет, скребет когтями...

Ее муж – никто, посмешище. Его достоинство – только знатное происхождение. Но ей невыносима была сама мысль, что эти люди насмехались теперь уже над ее мужем. Она могла это простить Калигуле, но не его окружению. Мессалина ненавидела весь тот сброд, пресмыкавшийся перед императором. Как же Клавдий все терпит?! Его обиды она ощущала своим телом. Но это была не любовь и даже не жалость. Скорее гордыня. Унижали ее мужа, а стало быть, ее.

Но свадьба – всего лишь ее первый шаг. И она его сделала. Хотела жить среди роскоши императорского дворца и добилась этого. Несмотря на опасную близость к сумасшедшему императору, окруженному ненавистными холоуями, она была довольна.

Утром на ее лице не было ни тени ночных раздумий. Мессалина, наконец-то утолив жар тела, одевалась под пристальным взглядом Клавдия. Ее движения были медленны и томны. Чувствуя, что он пьет это зрелище, как дорогое вино, она продлевала его наслаждение.

Quia nominor leo (Ибо я лев)

Не прошло и года, как Мессалина сумела быстро впитать в себя все пороки Рима. Одни вошли в ее обиход, к другим она быстро охладела. Разумеется, беременность и рождение дочери Октавии тому способствовали. Но одной из своих страстей она осталась верна – кровавым зрелищам, так называемым играм. Они ее волновали и возбуждали постоянно, не считая, само собой, поклонения мужчин. Эти игры, устраиваемые цезарем в амфитеатре, вызывали в ней удивительные ощущения, которым она не могла дать объяснения.

...Амфитеатр был полон. Весь Рим собрался посмотреть на волнующее зрелище. На нижних рядах – патриции и сенаторы, далее всадники, они рассаживались по рангам, – и простолюдины наверху... Так ярус за ярусом. Гул нетерпения сменил приветственный радостный шум. Калигула появился в сопровождении Цезонии, сестер и восточной делегации во главе с правителем Иродом Агриппой, который своим местом под солнцем был полностью обязан сумасброду Калигуле. Агриппа, сын Аристоруды IV, внук Ирода Великого, родился в Риме и воспитывался с сыном Тиберия Друзом, но главное – слыл близким приятелем Гая, позванного Калигулой. Агриппа, мот и гуляка, умел заводить «правильных» друзей. В 37 году Калигула стал императором. На радостях он освободил друга Агриппу из заточения, куда его упрятал Тиберий (за длинный язык), и на радостях отдал ему сначала владения покойного дяди Филиппа, а через пару лет и земли другого дяди – Ирода Антипы, обогатившего руки кровью самого Христа. Забегая вперед, можно сказать, что Агриппа весьма продуктивно поладил и с Клавдием, в чье правление он завершил соби́рание Иудейских земель – присоединил к своим владениям Иудею и Самарию, что находились под управлением римских прокураторов...

Цезарь дал знак к началу игр. На сей раз они посвящались гостям. На арену должны были выйти представители какой-то новой опасной ереси, которая – Мессалина слышала об этом – зародилась именно в землях, подвластных правителям, из племени идумеев. Назывались они вроде галилеянами или христианами, по имени какого-то их вожака, казненного еще при Тиберии. Сам Тиберий, ходили слухи, потом заинтересовался этим новым учением и вроде бы не велел более наказывать его последователей. Но не таков Гай Калигула, он сам бог, и все должны это знать и помнить! Сегодня божественный оказал честь этому царю из рода иудеев и пригласил его в свою ложу. Конечно, Ироду Агриппе далеко во всех отношениях до своего знаменитого деда. В одном только он ему не уступал – в жестокости. Именно он казнил апостола Иакова, брата апостола Иоанна, и заточил в темницу апостола Петра. Калигула хотел доставить удовольствие гостю, которого сам пару лет назад возвел на трон.

На арену выпустили голодных львов. С каким восторгом Мессалина разглядывала огромных грациозных хищников, которые с нетерпением нарезали круги в ожидании жертв. Она тогда подумала о ничтожности человека перед такой царственной силой и грацией, которую олицетворял собой этот царь дикой природы. Что за игры, даже неинтересно, ведь исход известен: хорошо, если люди продержатся пару минут. Мессалина подумала, что не плохо было бы заключить с кем-то пари, да кто ж рискнет своим кошельком... И вот появились люди. Они стояли по ту сторону железной решетки, и только прутья отделяли их от хищников. Львы напряглись, почувствовав добычу, заволновались еще больше. Поднялись железные ворота, и приговоренных вытолкнули на арену. Это были мужчины и женщины, совсем молодые и с уже посеребрёнными волосами. Люди сгруппировались, но на их лицах не было страха – только отрешенность и какое-то непонятное мраморное спокойствие. Словно не вертлявый Калигула, а именно они в этот миг стали богами. Люди затянули какую-то странную песню. Хищники зарычали и стали отступать, присели... На трибунах на миг воцарилась тишина. Но только на миг. Вскоре из ложи императора раздался недовольный визг. Народ зашумел, вторя своему цезарю. Прислужники стали из-за заграждений колотить длинными пиками львов. На арену полетели

камни... Мессалина подумала, что проиграла бы это пари: львы почему-то рычат и не нападают. И вот один прыгнул... Мессалина смотрела, смакуя взглядом, как под мощными лапами хищников трещала раздираемая плоть. При виде фонтанов крови у нее забилося сердце... Она была возбуждена. Она готова была сама наброситься на кого угодно и разодрать в клочья. Как завороженная она смотрела: вот тяжелые челюсти льва сомкнулись, и в пасти скрылась белокурая головка девушки... Она не старше самой Мессалины, даже моложе... Мессалина была в экстазе, нечто подобное она, пожалуй, испытала только однажды – в объятиях какого-то чернокожего раба. Клавдий отдернул руку, она была вся исцарапана. Мессалина хрипела от восторга. Оставался один, последний. Это был юноша. Неужели он не боится? В его взгляде, брошенном в последний миг в сторону людей, собравшихся на трибунах и смакующих его смерть, Мессалина прочла какую-то нечеловеческую жалость и сострадание, чувства неведомые ей самой. Так только бог был способен посмотреть на грешную землю...

Покидая амфитеатр, она взглянула на залитую кровью и покрытую растерзанными человеческими останками арену. Хищники утолили голод, но чувствовать себя победителями – выше их природы.

Одного только Мессалина никак не могла понять: как можно идти на смерть ради какого-то неведомого бога. Вон их сколько вокруг! Богам обычно приносят жертвы и просят о благополучии. По сути, это они, боги, служат людям, а не наоборот. Хотя боги в последнее время что-то обленились. За свой короткий век Мессалина узнала только одного так называемого бога, от которого что-то реально зависело, – это был сам Гай Калигула. Мессалина мечтала добиться такого же благоговения и вседозволенности. Ее вдохновляли слова этого нескладного уродца: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» или еще «После нас хоть потоп», а его высказывание «Надо украсть очень много, чтобы преступление стало добродетелью» она решила сделать одним из своих девизов, когда... добьется всего, чего желает. А желает она – ни много ни мало – править миром. Как он.

Но такие, как Гай Калигула, долго ведь не живут...

Hodie caesar, cras nihil (Сегодня – Цезарь, завтра – ничто)

Клавдий был взволнован. Он все никак не мог решиться сказать ей что-то важное. Но Мессалина уже сумела изучить повадки своего мужа: ей было ясно – на сей раз он чего-то очень сильно опасается. Клавдий трус, но далеко не дурак, как кажется со стороны. Однако его откровения, которые она буквально выцарапала у него из глотки, когда с притворной яростью вцепилась в нее, изображая голодную львицу, заставили разгоряченную Мессалину отступить от мужа на шаг и неподдельно расхохотаться.

– С каких это пор ты стал верить слухам? Да каждый день они рождаются, а к вечеру умирают, эти ваши слухи, ха! «Сегодня на цезаря Калигулу будет совершено покушение и его обязательно убьют!», «Какие-то люди готовят заговор против императора». – Мессалина недовольно отвернулась, однако, когда увидела в окно одинокую фигуру Мнестера, ожидающего кого-то подле колонны, мысли ее тотчас переключились на другое. – Муж мой, а ты не забыл, что сегодня мы должны быть в театре. Мнестер дает новое представление перед цезарем.

Клавдий побледнел, прижал палец к губам и сорвался на истеричный шепот:

– А я о чем! Какой еще театр! Сегодня опасно быть там, где цезарь. Поверь, это может случиться сегодня. Информация идет от Нарцисса.

Мессалина ненавидела этого вольноотпущенника, сумевшего влезть не только в душу к ее мужу, но и в карман. Хитрый грек по имени Нарцисс стал глазами, ушами и даже волей Клавдия. Он словно видел людей насквозь, мог сопоставлять и анализировать обстоятельства и быстро давать рекомендации своему патрону. К сожалению, Нарцисс редко ошибался в расчетах, что делало его незаменимым. Не будь так, Мессалина быстро бы разделалась с этим спесивцем. Надо сказать, что и Нарцисс с первых же дней отвечал супруге своего хозяина взаимностью и при внешнем почтении нередко давал ей понять, что она не является для него неразгаданной тайной. Это Мессалину злило.

– Твой осведомитель, по-видимому, забыл, что и сам император знает обо всех готовящихся на него покушениях, он же бог, – хмыкнула Мессалина, а потом уже без улыбки добавила: – Ты же в курсе, что его повсюду окружают верные германцы, они порвут в клочья любого заговорщика.

– Да, но на сей раз против цезаря готовы выступить преторианцы, а они превосходят этих рыжих дикарей по численности. К тому ж астролог недавно предсказал смерть цезаря, а в Олимпии упала статуя Юпитера и разбилась вдребезги.

Тень заговора терзала и самого Калигулу. Он тоже знал, слышал и... не мог поверить. Себе самому даже, своей интуиции. На этом тяжелом фоне болезнь его прогрессировала, разрушая и без того расшатанную психику. Он метался, как зверь в золотой клетке.

Перед остальными тоже стояла непростая дилемма. Не пойти в театр – рискуешь вызвать подозрения в соучастии или же, по крайней мере, в информированности, а пойти – риск для жизни. Клавдий дрожал, покрываясь нервной испариной, но выбрал второе. Из дворца в театр можно было попасть через криптопортик – подземный переход, проложенный под Палатинским холмом еще во времена первых Юлиев. Всю дорогу Клавдия лихорадило в носилках, но в театре он успокоился. Зал был заполнен верными германцами. Однако цезарь не стал дожидаться окончания представления... Клавдий следом за ним, буквально в первых рядах, поспешил прочь, увлекая разочарованную Мессалину, которой так хотелось запечатлеть своими глазами смерть Калигулы. Однако толпа их оттеснила. Уже в криптопортике Мессалина услышала тревожный шум и крики, сопровождаемые клацаньем оружия. «Неужели это все-таки произошло?» – от одной такой мысли Мессалина почувствовала прилив сил и, выскочив из носилок, кинулась вперед на голоса. Клавдий последовал за ней. Возле колонн дворца лежал на спине Калигула. Кровь стекала из глубоких ран на горле и груди... Пророчества сбылись,

24 января 41 года, на двадцать девятом году жизни, Калигула был действительно убит. Главный заговорщик, один из предводителей преторианской когорты, Кассий Херей, набросился на него и вонзил кинжал в горло. Остальные прикончили, нанеся еще тридцать ударов, скорее всего, по остывающему трупу. Затем разгоряченные преторианцы с криками «Свобода!», «Да здравствует республика!» направились во дворец. Цезония все поняла и, бросив в лицо своему палачу: «Рази, но скорее!», упала под ударом меча. Истерично кричала их дочь Друзилла. Ее убили, размозжив голову о стену.

Народ Рима безмолвствовал, хотя весть об убийстве разнеслась мгновенно. Все боялись, что это очередная мистификация безумного императора, решившего узнать мнение о себе.

Но все-таки в этот день в Риме одним богом стало меньше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.